

Мистические практики в структуре повседневности татарского общества в конце XIX начале XX века

Мистический опыт – неотъемлемая часть религиозной практики. Вера в действенность определенных ритуалов и слов является основой большинства теологических учений.

Для татар-мусульман всегда был свойственен религиозный мистицизм, связанный с суфизмом в Исламе. Суфийские тарикаты накшибандия и ясавия инкорпорированные в религиозную жизнь мусульман Волго – Уралья имели большое количество последователей среди татар. Шейхи (или ишаны) этих тарикатов занимали высокое положение в структуре общества, являясь духовными лидерами и моральными авторитетами для рядовых членов. Окутанные ореолом святости они набирали себе мюридов (учеников), наставляя их на пути к пониманию Бога. Часто, их привилегированное положение, становилось объектом зависти, вследствие чего иногда объявлялись сомнительные личности, «претендующие на ишанство» [7, с. 109].

Влияние ишанов и лже-ишанов было настолько велико, что люди часто спешили обращаться за помощью к ним, а не к официальной медицине. Например, в 1906 году произошел знаковый случай. В одной из деревень Мамадышского уезда, местного муэдзина покусала бешеная собака. Вместо больницы больного отправили в соседнюю деревню к ишану, который используя опиум и заговоры, попытался вылечить больного. На все просьбы отправить пострадавшего в больницу ишан отвечал: «Не ездите туда, погибнете». Позже по дороге в родную деревню муэдзин скончался. «Такие случаи демонстрируют, что вперед ишанов нужно обратиться к врачам» [3, с. 3] – писала газета «Вакыт» об этом происшествии.

Подобные случаи дискредитировали суфизм и суфийских шейхов в глазах общественности. В том же 1906 году известный поэт Габдулла Тукай опубликовал стихотворение «Голос из могилы мюрида», в котором обвинил ишанов в гибели нации и распространении язычества:

«Ишаны губят наш народ, а я не знал об этом.

Они не любят наш народ, а я не знал об этом.

... Все их учение – обман, язычество простое,

Слепого заблужденья плод, а я не знал об этом [16, с. 55].»

В начала XX века кроме религиозного мистицизма, для повседневной жизни татар мусульман были характерны так же и формы оккультных практик, такие как: спиритизм, целительство, травничество, гадания и т.д.

Наиболее распространенными практиками были услуги в области медицины и здоровья. Так в 1913 году в Казани жена имама седьмой соборной мечети Газиза Алтынбаева «заявила в полицию» о том, что «знахарка» Шамсутдинова похитила у нее из письменного стола 21 рубль 78 копеек. Однако, разыскав Шамсутдинову, полиция выяснила, что деньги были получены за лечение бездетности с помощью специальных трав. Как пишет «Казанский телеграф» знахарка использовала «одни травы для рождения мальчика, а другие – девочки, одни травы оказывают быстро свои действия – через год. Иные же медленнее – через 3 – 4 года» [9, с. 4].

«Такое чародейство Шамсутдиновой прямо поразило Газизу и несказанно обрадовало»[10, с. 3], так что женщина тут же дала согласие на лечение. Но закупив соответствующие травы у Шамсутдиновой так и не забеременела. Не дождавшись результата, Алтынбаева, обратилась в

полицию. Шамсутдинова вернула все деньги, взятые со своей пациентки. Полиция конфисковала «чудодейственные травы» для исследования. Нужно отметить, что по сведениям издания: «Сама же Шамсутдинова глубоко верит в действие своих трав» [9, там же].

Известно, что к травничеству прибегал известный татарский просветитель Шихабетдин Марджани. В 1885 году пытаясь вылечить обмороженную ногу сына Махмуда, он использовал масло душицы. Однако, как пишет сам Марджани «от этих лекарств не было пользы» [11, с. 349 – 350] и спустя несколько месяцев молодой человек умер после ампутации ноги.

Другим популярным направлением «народной медицины» было излечение от алкоголизма. В 1900 году внимание казанской полиции привлек «турецкий подданный» некто Салих Алиев [14, Л. 1 об.]. По сведениям поступившим в канцелярию казанского губернатора Алиев пребывая в деревне Большие Менгеры у Мустафы Шарипова Дяминаева «лечил сына Дяминаева наговорами и пилюлями из писчей бумаги» от алкоголизма [14, там же]. Как показало дознание «целитель» постоянно проживал в Казани уже два года и «занимался лечением» используя заговоры и аяты Корана написанные на бумаге.

Понятно, что потенциально опасные методы лечения и лиц их практикующих администрация старалась держать под контролем, четко предписывая: «при врачевании ядовитых или сильнодействующих веществ привлекать... к законной ответственности» [14, Л. 2 об.].

Стоит отметить, что лечение с помощью написанных молитв и заговоров само по себе было распространенным ритуалом. К примеру, ярлык хана Сахиб-Гирея 1523 года, обнаруженный археографом Сагидом Вахидовым в

1912 году в деревне Мамалаево Мамадышского уезда Казанской губернии, использовался как лечебный талисман [18, с. 26].

Самым массовым видом целительства была форма народного спиритизма, заключающаяся в посещении могил святых и обращения к их духам с просьбами об излечении или исполнении желаний. Один из озабоченных имамов описывал его так: придя на могилу, страждущие, втирают пыль в глаза и взывают к духам покойных: «О, ходжа Бахаэтдин! О, шейх Габделкадир! О, ходжа Ахмед Ясави!» [4, с. 2] прося их о выздоровлении.

Наиболее популярными местами подобных паломничеств были руины Булгара и Биляра в Спасском уезде Казанской губернии. Описывая посещения Булгарского городища, Юсуф Акчура, отдельно остановился на реакции муджавира (хранителя), на восхищение архитектурой, а не могилами: «Возле могил сахабов ты не плакал, зато возле камней рыдаешь, сам начитанным кажешься, и все ж на могилах Корана не читал, руки сложив молитвы, не сотворил...» [1, с. 108]. Для хранителя показалось возмутительным, что приезжий не стал взывать к душам усопших, но растрогался при виде средневековых руин. Сам автор указывает, что действительно большинство «паломников»: «приезжают поклониться могилам и просить заступничества мертвых» [11, там же].

Посещение Биляра требовало соблюдения определенного церемониала: вперед молитвы с просьбами о заступничестве или излечении, необходимым было принесения в жертву животных. По свидетельству одного из жителей селения Старый Разяп летом к «Хужалар тавы» – почитаемой горы в окрестностях Билярска, по средам стекаются толпы мусульман ведя с собой «коз и овец» [7, там же]. А жители деревни Акбулат Чистопольского уезда Казанской губернии в летом 1906 году намеривались принести в жертву белого коня на «Хужалар тавы» [2, с. 3]. Таким образом, жители деревни

хотели избавиться от засухи губившей урожай. Лишь увещевания местного имама убедили селян отказаться от этого намерения.

Один из очевидцев так отозвался об этом случае: «Если подобные нововведения будут распространяться, то нас (татар – И.Ш.) или за шаманистов или за шабалистов примут...» [8, с. 4]. Учитывая, что на это мероприятие приход тратит по 40 рублей, автор, предлагал лучше отстроить медресе и тратить деньги на его содержание.

Проблема подобных ритуалов выходящих за рамки традиционного Ислама очень беспокоила не только религиозные круги, но и всю интеллектуальную элиту татарского общества. Поэтому официальных печатные издания уммы Волго-Уралья старались внести ясность и прекратить распространения суеверий и мистификацию определенных ритуалов и местностей связанных с ними.

Журнал Ад – Дин ва ал – Адаб в 1917 году напечатал ответ на вопрос о дозволенности жертвоприношений в местности «Хужалар тавы». Определив его словом «бидгат» (от арабского беда – нововведение), выступая категорически против подобных ритуалов как противоречащим нормам шариата и духу Ислама. Вину за появление этих мистических обрядов автор статьи возлагал на «невежественных имамов», которые порой сами инициировали жертвоприношения [7, с. 112].

В 1914 году в журнале Шура, один из подписчиков сетовал: «Многие из наших (мусульман – И.Ш.) не идут к докторам, как заболеют, а идут к могилам почивших лет двести как, и просят у них выздоровления» [13, с. 376]. На что, автор отвечает: «Пророк, указывал, не хождениями к могилам лечится, а молитвой...». В целом журнал Шура последовательно отстаивал необходимость квалифицированной медицинской помощи на примере

происшествия с одним из сахабов (сподвижников) Саадом ибн абу-Ваккасом. Когда он заболел, то сам Пророк призвал табибов (врачей) для помощи больному [13, с. 377].

В проблеме целительства и медицинских «чудес», автор придерживается здорового скептицизма: «Прибавление рода без вмешательства мужчин или возвращение жизни в мертвое тело, а еще прозрение от рождения слепых... по нашему мнению если все это и чудо, то чудо имеющие естественное объяснение...» [13, с. 376].

Другой формой спиритизма были прямые контакты с потусторонними силами. Каримом Тинчурином был описан любопытный случай: в одном из медресе ученики стали замечать, что после наступления полуночи керосиновая лампа, подвешенная под потолком спальни комнаты, гаснет сама по себе. Молодые люди, сочли, что это чья-то шутка и следующей ночью поставили четырех сторожей по четырем углам комнаты, что бы поймать загадочного шутника. Однако ровно в полночь лампа снова погасла сама по себе. Наутро шакирды удостоверившись в том, что лампа вполне работоспособная и «керосина больше половины», отправились к одному из преподавателей. Выслушав студентов, учитель уверенно заявил: «Тот, кто в вашей комнате лампу выключает – джин!» [15, с. 190]. Для ловли джина шакирды использовали: листы Корана и молитв обмотанные вокруг лампы, а так же специальную веревку на одном конце которой были косточки хурмы, а на другом камни называемые «слезы девы Марии» [15, с. 191]. Однако, не смотря на все ухищрения джин, не дал себя поймать.

Другим распространённым видом оккультных практик были гадания. Речь идет не о гаданиях как о народных обрядах, а об сверхъестественных услугах оказываемыми специальными людьми называемыми «багучы» (гадалка, ворожея).

Например, в 1880 году в журнале «Всемирная иллюстрация» была опубликована репродукция с картины художника К.Ф. Гуна «Внутренность татарской избы. Гадающая цыганка», где была показана молодая татарская девушка, и цыганка, гадающая для нее на картах [5, с. 69]. В другом журнале «Иллюстрированная неделя» на одном из разворотов помещен сюжет о мариинской девушке гадающей татарке «на поясе» [6, с. 344].

Заки Уразый – один из постоянных авторов журнала Ад-Дин ва Адаб, поведал весьма примечательный сюжет из повседневной жизни татарской общины Вятской губернии. На местном заводе работало большое количество татар – мусульман, имевших две мечети. Рабочие, как пишет автор, приезжие «из разных губерний и уездов» [17, с. 350], живут вместе на «квартирах». И в одной из таких квартир у одного молодого рабочего было украдено 10 рублей. Однако, к удивлению очевидца, вместо того, чтобы направиться в полицию пострадавший поддерживаемый остальными жильцами решил обратиться к женщине «күрэзэ» – прорицающей на зеркале. Для большинства собравшихся это решение показалось наиболее привычным и рациональным. Тем же кто стал, сомневается в способностях «күрэзэ» тут же привели примеры успешных предсказаний ворожеи. Одна из присутствовавших женщин поведала, что несколько лет назад «пропало хасите (женское украшение – И.Ш.), и мы эту женщину [ворожею] попросили по зеркалу посмотреть. Так вот она, показала даже то, как такая-то женщина, кралась, по сторонам поглядывая, и как взяла его [хасите] из сундука» [17, там же].

Эта история окончательно убедила всех в правильности решения, однако на всякий случай обворованного молодого человека направили еще и к гадалке на картах, живущей в том же доме. Какого, же было удивление скептиков, когда обе женщины указали на одного и того же человека. И более того Заки Уразый, человек весьма далёкий от разного рода суеверий и мистификаций был просто поражен, реакцией подозреваемого «Я клянусь,

что не брал, но описание вора совпадает с моим. А раз так из своих денег отдам украденное» [17, с. 350 – 351]. Никто из собравшихся не выразил и тени сомнения в вердикте «обвинителей», и более того сам «обвиняемый» будучи уверенным в своей правоте согласился с доводами ворожей.

Определенную роль на распространение мистических практик сыграло европейское влияние, транслируемое через городское русское население. Перенимая европейские ценности, образ жизни и досуг, татары были подвержены влиянию трендов доминирующих в обществе. Как известно во второй половине XIX – начале XX веков высшие слои Российской империи были весьма увлечены «спиритическими или медиумическими явлениями», которые широко практиковались «как в семейных кружках, так и в среде отдельных ученых» [12, с. 3].

Таким образом, мистические практики и ритуалы были распространенным проявлением девиантного поведения в структуре повседневности татарского общества. Несмотря на увещевания со стороны интеллектуальной элиты и религиозных лидеров, оккультизм продолжал бытовать как среди горожан, так и среди сельского населения.

Литература

1. Акчура Ю. Русия мөселманларында мәктәп, мәгариф вә әдәбият // Шура. – 1908. – №4. – С.107 – 111.
2. Вакыт. – 1906. – № 82. – 4 с.
3. Вакыт. – 1906. – № 87. – 4 с.
4. Вакыт. – 1907. – № 191. – 4 с.
5. Всемирная иллюстрация. – 1880. – Т. 23. – № 4. – С. 69.
6. Иллюстрированная неделя. – 1875. – № 122. – С. 344.
7. Иске Рәжәпдә хажы-әл-Ислам Мансуриның астисагы... // Әд – Дин вә Әл – Әдәп. – 1917. – № 5. – С. 109 – 114.
8. Казан мөхбире. – 1906. – № 89. – 4 с.
9. Казанский телеграф. – 1913. – № 6006. – 4 с.
10. Камско – Волжская речь. – 1913. – № 111. – 4 с.
11. Марджани Ш. Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан: Тат. Китап нәшрияты, 1989. – 415 с.
12. Менделеев Д. Материалы для суждения о спиритизме. – СПб.: Тип. тов. «Общественная польза», 1876. – 278 с.
13. Мөрасәлә вә мохәбәрә // Шура. – 1914. - № 12. – С. 376 – 377.
14. Национальный Архив Республики Татарстан ф. 1. – оп. 6. – д. 9.
15. Тинчурин К. Сайланма хикәяләр. – Казан: Татарское книжное изд-во, 1967. – 442 с.
16. Тукай Г. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель. 1988. – 432 с.
17. Уразый З. Мөселманчылыкмы бу? // Әд – Дин вә Әл – Әдәп. – 1916. – № 12. – С. 347 – 354.
18. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. – 320 с.